

Се Цзинлань — этот ублюдок, пусть и носил имя молодого господина лишь на бумаге, обладал на редкость заносчивым и горделивым нравом. В его глазах тот старший молодой господин из главного двора рано или поздно окажется у него под ногами, это было лишь вопросом времени. Стоит ему сдать императорские экзамены и проехать в праздничной процессии по улицам, как все эти людишки из Поместья Се, заливаясь слезами, падут ниц перед его конём, вымаливая прощения.

Всякий раз, когда он терпел издевательства, то представлял свои будущие триумф и славу, проглатывая выбитые зубы вместе с кровью. Злость не утихала, и обломки зубов с кровью выскребали в его сердце всё новые и новые рубцы и обиды. Он напрочь забыл слова Мэн-цзы о том, что людей покоряют добродетелью, зато отлично запомнил завет Сыма Цяня: благородный муж и через десять лет отомстит — срок не преграда.

Единственным путем выбиться в люди были имперские экзамены. Клан Се издавна славился своими учеными традициями, поколениями служа чиновникам, но, к сожалению, к моменту, когда главой Поместья Се стал Се Бинфэн, род начал мельчать. Се Бинфэн всю жизнь суетился и заискивал, но до сих пор оставался лишь рядовым чиновником шестого ранга в Ведомстве цензоров. Впрочем, поскольку его наставником был великий конфуцианец Дай Шэнъянь, а сам он служил честно и неподкупно, за ним закрепилась репутация человека энциклопедических знаний и кристальной честности.

В те времена в Священной династии было принято оценивать людей по их репутации, и добрая слава действительно могла стать пропуском к сытой жизни. Се Бинфэн не обладал способностями к реальным делам, зато умел увлекать за собой ученых мужей всей Поднебесной, и любые литераторы с конфуцианцами почитали за честь ступить на порог дома Се. Раз уж из поколения в поколение они передавали искусство поэзии и книг, следовало беречь доставшееся от предков ремесло: клан Се придавал огромное значение учебе потомков, приглашая в семейную школу именитых конфуцианцев из самого рода.

У главной госпожи был ни на что не годный сын, и она, смертельно боясь, что Се Цзинлань превзойдет его, наотрез запретила Се Цзинланю ходить на занятия в родовую школу и даже не выделила ему положенной нормы кистей, туши, бумаги и чернильниц. У Се Цзинланя не оставалось выбора: ему приходилось подбирать на складе старые, исписанные старшим молодым господином Се Цзинтао книги, прятаться в уголке и украдкой слушать лекции учителя родовой школы, выводя иероглифы палочкой прямо на земле. Учась вот так, урывками, он тем не менее кое-как одолел большую часть Четверокнижия и Пятикнижия, превосходя любого прилежного ученика из класса.

Се Цзинлань не обращал внимания на Сяхоу Ляня. Сидя за столом, он выуживал обрывки черновой бумаги из общей купы, а затем по кусочку, миллиметр за миллиметром, склеивал их обратно.

Эти книги были вовсе не мудростью мудрецов — они служили его ступенями к успеху. Лишь шагая по этим пропитанным чужью высокими истинами, он сможет возвыситься над другими.

Сяхоу Ляню стоило лишь взглянуть на эти бумажные обрезки, как у него начинала болеть

голова. Перебрав наугад несколько листов, он обнаружил, что, хотя он и узнает написанные здесь иероглифы, сами иероглифы знать его не желали. Раз Матушка Лань велела ему помочь, ему оставалось лишь стоять рядом и смотреть со стороны.

Солнце опустилось за горы, темнота сгустилась. Керосиновых ламп в комнате не было, приходилось обходиться свечами. Се Цзинлань боялся, что пламя случайно займет обрывки бумаги, поэтому отказывался ставить свечу на стол и при тусклом, дрожащем огоньке с трудом продолжал склеивать листы. В обветшалой комнатухе тени обоих мужчин вытянулись на стене, напоминая призрачные силуэты бесплотных духов.

Сяхоу Лянь немного подремал за столом, а когда проснулся, Се Цзинлань всё так же сидел за склеиванием.

Тот был хрупкого телосложения: хотя ему, как и Сяхоу Ляню, было двенадцать лет, сам Сяхоу Лянь отличался крепким и сильным здоровьем, тогда как Се Цзинланя, казалось, унеси первым же порывом ветра. От долгого сидения глаза давно заплаыли, Се Цзинлань то и дело тер их, и от этого зрелища сердце Сяхоу Ляня, словно вырезанное из деревянной чурки, неожиданно преисполнилось жалости.

Сяхоу Лянь был непоседой, от которого покоя не жди и трех дней, — даже упражняясь с саблей, он никогда не занимался дольше двух часов кряду, не говоря уж о том, чтобы сидеть и клеить разодранные книги. Когда он жил в горах, семь дней из десяти гонялся за горными фазанами да ловил кроликов, и лишь оставшиеся три дня вспоминал сабельные трактаты да тренировал приемы.

Он подоткнул с пола выброшенный Се Цзинланем лист черновой бумаги и заметил, что на нем тоже что-то написано: почерк небрежный, тушь то густая, то бледная, а сами строки петляют и ветвятся во все стороны. Похоже, кисть, которой писали, была отвратительного качества — жесткая, с торчащими во все стороны волосками. Он огляделся вокруг и действительно заметил на полу облезлую кисть, на редких щетинках которой еще блестели капли туши.

У этого манерного хлыща определенно был стержень. Сам Сяхоу Лянь хоть и слыл разгильдяем, но уважал людей, способных упорно трудиться.

— Эй, это... молодой господин, — он всё еще не привык исполнять роль слуги, и это обращение молодой господин давалось ему с трудом. Сяхоу Лянь почесал затылок и произнес: — Время уже за полночь, не лечь ли вам поспать?

Се Цзинлань даже головы не поднял:

— Если хочешь спать — иди ложись. От тебя здесь всё равно никакого толку.

Этот пройдоха толком и книг мудрецов не усвоил, зато отлично научился выводить людей из себя. Сяхоу Лянь обладал легким нравом и не стал спорить:

— Да вы так до второго пришествия клеить будете. Завтра пойду и украду для вас книгу из Книгохранилища! Я слышал, в Зале Культуры и Словесности клана Се полно книг, они даже сами их печатают. Издания из Зала Культуры и Словесности — лучшие во всем Цзяннане: поля широкие, иероглифы крупные с рисовое зернышко, читать одно удовольствие. Самая лучшая книга прямо под боком, зачем вам мучиться и склеивать эти обрывки?

Се Цзинлань наконец поднял голову от кипы бумаг:

— Украсть? Чем ты занимался раньше? Не тащи в поместье свои воровские привычки, подзаборное ты создание! Смотри, попадешься — нас обоих потянешь на дно.

— Ох, ну конечно, вы у нас образчик благородства и высоких моральных устоев! Так и сидите, клейте дальше, — Сяхоу Ляню преподнесли от ворот поворот, и, поднявшись из-за стола, он направился к выходу. — Наследник рода Се, а из-за какой-то жалкой пары книг... они и так по праву ваши, но вы боитесь их даже украсть, сидите тут, прячетесь, как черепаха в панцире, и склеиваете бумажки. Узнай об этом тот жирный боров — со смеху бы помер...

— Стоять, — холодно глядя на Сяхоу Ляня, процедил Се Цзинлань.

— Чего еще?

— Как бы низко ни пал Се Цзинлань, насмехаться над собой я тебе не позволю! — Се Цзинлань вскочил на ноги, вцепился в воротник Сяхоу Ляня и свирепо бросил: — Ты — мой слуга, и не тебе меня поучать!

— Ишь чего удумал, — Сяхоу Лянь оттолкнул Се Цзинланя. — Да ты живешь хуже любого слуги, какой ты к черту молодой господин!

Се Цзинлань внезапно бросился вперед и врезал Сяхоу Ляню прямо в лицо. От прежнего Се Цзинланя остался лишь один скелет, на руках не было ни грамма мяса, но его твердые, как камень, костяшки неожиданно угодили в скулу. Лицо Сяхоу Ляня мгновенно посинело и запылало жгучей болью. Сяхоу Лянь тоже взбеленился, не говоря ни слова, замахнулся кулаком и полез в драку. Но Се Цзинлань был слаб телом и не обладал силой, а потому никак не мог одолеть Сяхоу Ляня. Не успел он сделать и пары выпадов, как оказался прижатым к полу под весом Сяхоу Ляня, как ни бился — подняться не получалось.

— Сдаешься? С твоим-то тщедушным телом — сгодишься ли ты хоть зубам на зацепку? И вздумал со мной драться? — Сяхоу Лянь похлопал его по щеке и самодовольно усмехнулся. — Поглядите-ка на храбреца! Не смог одолеть того жирного борова, так решил выместить злость на мне? Хотя я теперь и служу тебе, это еще не значит, что об меня можно ноги вытирать!

Се Цзинлань долго трепыхался, но всё было без толку. Обессиленный, он плашмя раскинулся на полу и уставился на дырявую крышу. Вся накопившаяся горечь и жгучий стыд подступили к горлу, глаза внезапно защипало. Он торопливо закрыл лицо руками и, сцепив зубы, молчал.

Днём, когда его избивал Се Цзинтао, у него не проронилося ни слезинки, но теперь слёзы хлынули прочь, прорвав плотину, — бурные, неудержимые, их было невозможно остановить.

— Ты чего реवेशь-то? Эй, прекрати реветь! — Сяхоу Лянь растерялся, торопливо вскочил с Се Цзинланя и помог ему подняться. — Я же тебя всего пару раз задел! Ну не плачь же!

— Я не плачу! — Се Цзинлань отвернулся, не позволяя Сяхоу Ляню увидеть его покрасневшие глаза.

Раньше Сяхоу Лянь знал лишь одно: он до смерти боялся женских слёз, но он никак не ожидал, что плачущий мальчишка выведет его из строя точно так же. Сдавшись на милость победителя, он проворчал:

— Ладно-ладно, извиняюсь я, доволен?

— Проваливай, видеть тебя не хочу!

— Ну чего ты заладил... Ладно, моя вина, я неправ, не стоило мне тогда язык распускать.

Се Цзинлань сидел угрюмый, не издавая ни звука. Сяхоу Ляню ничего не оставалось: поскребя в затылке и посидев рядом какое-то время, он произнес:

— Ладно, я пойду спать. Ты только не реви больше.

Се Цзинлань отвернулся и не стал на него смотреть, и Сяхоу Ляню пришлось подняться и уйти.

Вокруг наконец воцарилась тишина. Неизвестно когда погас огарок свечи, и тяжелая, кремешная тьма навалилась со всех сторон. Се Цзинлань сидел на полу в одиночестве, и по его щекам снова катились слёзы. Когда глаза привыкли к полумку в комнате, он оперся о табурет и поднялся. У табурета одна ножка была короче остальных, он качался и стоял неуверенно, так что мальчишка чуть не рухнул снова.

Толкнув дверь, он вышел во двор. В маленьком, одиноком дворике лежал сплошной ковер опавших листьев, а два чана с лотосами давно высохли, оставив лишь белесые обломки стеблей.

Вся горечь прожитых двенадцати лет единым потоком хлынула в сердце. У всех были матери, у него же — никого; отец хоть и имелся, но словно бы и не существовал вовсе. С самых малых лет он рос круглым сиротой в этом самом отдаленном уголке поместья, безропотный, словно комочек теста, который каждый мог мять и крутить по своему усмотрению, и любой прохожий норовил ущипнуть его. Теперь же даже собственный слуга перестал ставить его во грош.

Он горько и насмешливо усмехнулся, и в ушах снова прозвучали слова Сяхоу Ляня: Наследник рода Се, а из-за какой-то жалкой пары книг... они и так по праву ваши, но вы боитесь их даже

украсть, сидите тут, прячетесь, как черепаха в панцире, и склеиваете бумажки. Узнай об этом тот жирный боров — со смеху бы помер.

Сяхоу Лянь был прав: эти книги по праву принадлежали ему. Постояв с минуту, пока порыв ветра не высушил слезы на щеках, он сжал кулаки и вышел за боковую калитку.

Вокруг царила глухая тишина, главная госпожа ради экономии приказала погасить даже фонари в галереях. Стояла глубокая зима, и ночной ледяной ветер больно обжигал щеки. Дорога утопала в темноте, и лишь благодаря тому, что Се Цзинлань помнил путь к Книгохранилищу, он кое-как брел вперед, то и дело оступаясь в темноте.

Шел добрый час, прежде чем они добрались до Книгохранилища. Подойдя вплотную, он обнаружил, что дверь заперта на замок — ключа у него не было, и открыть ее он не мог. Обойдя Книгохранилище кругом, он не нашел ни единой щели, куда можно было бы протиснуться, все двери и окна были наглухо закрыты.

Постояв перед дверью в растерянности, пока ветер окончательно его не остудил, Се Цзинлань словно очнулся от сна и повернул назад. Но стоило ему развернуться, как из-за резной колонны вышел какой-то юноша и с улыбкой уставился на него.

Он пренебрежительно фыркнул и отвернулся:

— Ты чего увязался за мной? Пришел поглазеть на то, как я позорюсь?

— Как младший смел бы?

Сяхоу Лянь извлек из рукава тонкую стальную проволоку, потыкал ею в замочную скважину, и с тихим щелчком замок сорвался, а дверь приоткрылась на узкую щель. Толкнув створку, Сяхоу Лянь знаком позвал Се Цзинланя внутрь. Се Цзинлань поджал губы, но в конце концов последовал за ним.

— Быстрее, какая книга нужна, ищи скорее, — тихо прикрыв дверь, шепнул Сяхоу Лянь.

Се Цзинлань ничего не ответил. Глядя на темные ряды стеллажей, он подумал: в этой крошечной тьме как он вообще отыщет нужную книгу?

Словно угадав его мысли, Сяхоу Лянь вытащил кресало и легко дунул — крошечная искорка вспыхнула на кончиках пальцев, мягко озаряя их лица. Они стояли лицом к лицу, разделенные лишь язычком пламени, совсем близко друг от друга.

Се Цзинлань смотрел на него. Сейчас Сяхоу Лянь привел себя в человеческий вид: лицо чистое, кожа чуть смуглая, здорового медового оттенка, а глаза сияют, как звезды, поистине хорош собой. В свои двенадцать лет Се Цзинлань еще не разбирался в науке оценки людей, он знал лишь разницу между приятной и безобразной внешностью. Поскольку у него самого было

прекрасное лицо, требования к остальным людям у него тоже возросли. Окинув взглядом каждого в поместье, он находил всех безобразными и режущими глаз, а уж старшего молодого господина Се Цзинтао в его глазах и вовсе карали небеса и проклинали люди — до того тот был отвратителен.

Внешность Сяхоу Ляня едва дотягивала до оценки сойдет, и всё же Се Цзинланю он показался куда приятнее, хотя недавняя выходка, когда Сяхоу Лянь уселся на него верхом и отдубасил, всё еще саднила где-то внутри. Помучившись от внутреннего неудобства еще какое-то время, он так и не заговорил с ним.

Заметив его мрачное лицо, Сяхоу Лянь слегка озабоченно произнес:

— Ты всё еще дуешься? Молодой господин, проявите милосердие, перестаньте злиться на меня, а? Гляньте-ка сюда, младший приносит вам свои извинения, умоляю, простите глупца великодушно, сжальтесь на этот раз.

— И не думал я сердиться. Тц, отроду не видывал столь наглого слуги! Считаю, тебе повезло столкнуться со мной — попадись ты Се Цзинтао, сдох бы уже раз восемьсот! — фыркнул Се Цзинлань, перехватил кресало и отвернулся искать книги.

— То-то и оно, повезло мне! Встретился мне такой добрый и великодушный хозяин, как молодой господин Цзинлань. Вы у меня умница, не станете мелочиться.

Сяхоу Лянь прекрасно владел искусством гладить против шерсти, и Се Цзинлань, с радостью ухватившись за предложенный повод, сразу смягчился лица.

Книжные полки в хранилище стояли сплошными рядами, между ними едва могли разминуться два человека, а сами стеллажи уходили под самый потолок. От помещения разило затхлостью, в воздухе витал ледяной холодок. Сяхоу Ляню стало не по себе, и он ткнул Се Цзинланя в спину, подгоняя.

Миновав три стеллажа, Се Цзинлань обнаружил, что книги здесь расставлены по системе семи разделов. Провозившись добрую пиалу чая и вытаращив глаза в поисках, они наконец отыскали на семнадцатой полке Записки о Ритуале авторства Чэнь Хао из династии Юань. Се Цзинлань взял только первый том, решив, что вернется за вторым, когда дочитает этот.

— А разве не заметят, что тут книги не хватает?

— Заметят хрен собачий! Ты разве не видишь, сколько здесь пыли? Книги с этого места лет по сто в руки не брали.

— Не сквернословь! — Се Цзинлань отвесил Сяхоу Ляню легкий подзатыльник и вытянул еще один свиток. — Тогда я возьму еще один том.

Сяхоу Лянь принял первый том, рассеянно полистал его — и в тот же миг глаза его округлились.

— Что такое? — заметив странность в поведении спутника, Се Цзинлань тоже заглянул через плечо и в следующий момент замер от изумления.

На страницах книги красовались яркие, живые картинки из «весенних альбомов»: мужчины и женщины переплелись телами, а выражения на их лицах были выписаны с поразительной точностью.

— Чт... что за гадость? — Се Цзинлань с хлопком захлопнул книгу, а лицо его вспыхнуло так, будто на нем можно было жарить яйца.

— Да это же чаньцзюньту! Если я не ошибаюсь, это знаменитые «Картины безмятежного уединения в спальне» работы юаньского художника Чжао Сияня. У моей матушки хранится подделка, неужели это оригинал?! — восхищенно присвистнул Сяхоу Лянь. — Изображение сочное и яркое, фигуры изысканные, даже складки одежды и лепестки цветов прописаны до мельчайших деталей — шедевр эротической живописи! Глянь-ка, вот эта сцена называется «Алые сливы вниз головой», эта — «Иволги поют на рассвете», а вот эта — «Прохладное лето в Цзяннани».

Выслушав тираду Сяхоу Ляня, Се Цзинлань уцепился за самую несущественную деталь:

— Что? Ты только что сказал — твоя матушка?

Сяхоу Лянь сболтнул лишнего сгоряча и тут же поправился:

— Нет-нет, я к тому, что... твой отец большой лицемер раз держит в Книгохранилище эротические картинки!

Лицо Се Цзинланя покраснело еще сильнее, и он принялся в панике запихивать альбом обратно на полку:

— Больше не берем это, я возьму другое.

— Да погоди ты, — Сяхоу Лянь спрятал альбом за пазуху, а уголки его губ искривились в лукавой улыбке. — Заберем с собой, поизучаем! Будет что почитать долгими ночами при свечах, совсем другой вкус! Молодой господин Цзинлань, ты ведь отроду такого не видел, неужто тебе не любопытно?

Се Цзинлань с оскорбленным достоинством отверг предложение:

— Ни за что!

— А я и не знал, что ты у нас скромник, — усмехнулся Сяхоу Лянь. — Не хочешь — как хочешь,

но эта штука еще пригодится, пока придержу у себя.

Сяхоу Лянь потребовал, чтобы Се Цзинлань отвел его в кабинет толстяка. Се Цзинлань понятия не имел, что у того на уме, но, не в силах сопротивляться его настойчивости, был вынужден подчиниться. Они осторожно проскользнули в главный двор, и Сяхоу Лянь, провернув тот же фокус, отпер дверь кабинета и шмыгнул внутрь.

У Се Цзинлани сердце колотилось где-то в горле — он впервые в жизни занимался подобным воровством, но, глядя на уверенный вид Сяхоу Ляня, он не желал ударить в грязь лицом перед слугой и держался из последних сил, изображая абсолютное бесстрашие. Крадучись следом за Сяхоу Лянем, он озирался по сторонам, разглядывая убранство кабинета.

В самом центре комнаты висела дощечка с вырезанными четырьмя иероглифами: «Лесная хижина у сбора опавших листьев». Се Цзинлань презрительно скривился: такой ничтожный человек, как Се Цзинтао, только пачкал столь утонченное название. На столе стояла чернозолотая чернильница, лежала кисть с лианьскими волосками и превосходная белая бумага сюань из уезда Цзинсянь. Он осторожно провел пальцами по гладким и мягким листам, чувствуя, как в груди поднимается зависть.

Поколебавшись на месте с мгновение, он подумал, не прихватить ли пару листиков с собой — в конце концов, этот неуч Се Цзинтао наверняка ничего не заметит. Подумав еще немного, он все же отказался от затеи: пусть сам Се Цзинтао не заметит, но слуги могли поднять тревогу, так что лучше не наживать лишних проблем.

Сяхоу Лянь отыскал на столе стопку книг, вытащил из середины те самые Записки о Ритуале — обложка точь-в-точь совпадала с той, что они нашли в Книгохранилище, с характерным тиснением Зала Культуры и Словесности клана Се. Сяхоу Лянь положил поддельную книгу на самый верх, прихватил подлинник и знаком позвал Се Цзинлани на выход.

Се Цзинлань сразу всё понял — Сяхоу Лянь затеял недоброе.

Покачивая головой и загадочно улыбаясь, Сяхоу Лянь произнес:

— Сегодня, когда я входил в поместье, служанки болтали, будто завтра возвращается старый господин. Твой папаша-ханжа превыше всего ставит учебу потомков. Как думаешь, какое дело будет для него первоочередным по возвращении?

Се Цзинлань мгновенно всё сообразил, его грудь приятно защемило от тепла, однако признавать заслугу Сяхоу Ляня он не пожелал:

— Вечно строишь дурацкие планы, еще не факт, что сработает.

Сяхоу Лянь лучезарно улыбнулся:

— Ну так давай просто подождем и посмотрим.

<http://bllate.org/book/26257/3145228>